

П 9073

5

"Сопр. мир" 1907-
№ 7-8. 233
фиг.

Дом Плеханова

90-2478/60

Иосифъ Дицгенъ.

Эрнестъ Унтерманъ. Антонио Лабріола и Иосифъ Дицгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Переводъ съ нѣмецкаго И. Наумова подъ редакціей П. Дауге. С.-Петербургъ, 1907 г., изданіе П. Г. Дауге. Иосифъ Дицгенъ. Завоеванія (Аквизитъ) философіи и письма о логикѣ; спеціально демократическая пролетарская логика. Переводъ съ нѣмецкаго П. Дауге и А. Орлова; съ предисловіемъ къ русскому переводу Евгенія Дицгена; съ портретомъ автора. С.-Петербургъ, 1906 г.

Иосифомъ Дицгеномъ очень заинтересовалась теперь нѣкоторая часть читающей публики въ Германіи, въ Голландіи и въ Россіи. Его философскія сочиненія еще, недавно извѣстныя очень немногимъ, начинаютъ пріобрѣтать вліяніе на развитіе философской мысли въ средѣ образованнаго европейскаго пролетаріата. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ поговорить о сочиненіяхъ, заглавія которыхъ мы выписали. Первое изъ этихъ сочиненій вышло изъ-подъ пера американскаго социалиста Унтермана, въ видѣ послѣловія къ англійскому переводу извѣстнаго сочиненія Антонія Лабріола „Discordo di socialismo e di filosofia“ (Чикаго. 1906 г.).

Г. П. Дауге нашелъ полезнымъ издать это произведеніе въ русскомъ переводѣ Г. И. Наумова. Но онъ ошибся. Никакой пользы русскимъ читателямъ работа Унтермана не принесетъ и принести не можетъ. Авторъ слишкомъ плохо знакомъ съ предметомъ, освѣщенію котораго посвящена его брошюра. Чтобы убѣдиться въ этомъ понимающему человѣку,—правда такихъ теперь въ Россіи и заграничкѣ сожальнію, очень мало,—достаточно прочесть слѣдующее по своему драгоцѣнное мѣсто брошюры Унтермана.

„Основатели научнаго социализма поставили гегелевскую діалектику на ноги и такимъ образомъ сдѣлали ее практическимъ методомъ историческаго изслѣдованія. Они навсегда покончили съ классической нѣмецкой философіей и съ буржуазнымъ матеріализмомъ 18 и 19 столѣтій. Но они напередъ ограничили свою задачу изслѣдованіемъ социальной стороны ихъ новой теоріи. Чтобы совершить что-либо великое, они должны были специализироваться и будучи дальновидными избрали тѣ самыя спеціальныя отрасли знаній, которыя самымъ непо-

233

средственнымъ образомъ связаны были съ практическими проблемами ихъ времени. Какъ далеко они сами проникли въ проблему познанія, прежде чѣмъ опредѣлился ихъ окончательный выборъ, могутъ дать отвѣтъ сами товарищи, которые сохранили въ цѣлости не опубликованную рукопись Маркса и Энгельса, относящуюся къ 1845—1846 гг. Во всякомъ случаѣ можно предполагать, что эта рукопись была бы ужь опубликована, если бы она заключала въ себѣ такое добавленіе къ историческому матеріализму, какое далъ Іосифъ Дицгенъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что Марксъ и Энгельсъ вполне признавали заслугу Дицгена, назвали его „философомъ пролетаріата“, и далѣе еще тѣмъ фактомъ, что даже дальнѣйшія работы Энгельса—„Anti-During“ и „Feuerbach“, специально трактующія о проблемѣ познанія, воли и моральнаго сознанія, не содержатъ въ себѣ ничего, что указывало бы на значительную дальнѣйшую разработку первоначальнаго марксовскаго пониманія человѣческаго сознанія. (Стр. 9).

Въ чемъ заключалось это „первоначальное марксовское пониманіе человѣческаго сознанія?“ Г. Унтерманъ прямо говоритъ, что ему это неизвѣстно. Но за то онъ очень хорошо знаетъ, что основатели научнаго социализма поставили діалектику на ноги. Что же это значить поставить діалектику на ноги? Унтерманъ ничего не говоритъ объ этомъ. Обратимся къ первоисточнику. Марксъ говоритъ: „Для Гегеля логическій процессъ, который превращается у него подъ именемъ идей, въ самостоятельнаго субъекта, есть Деміургъ дѣйствительности, которая составляетъ только его внѣшнее проявленіе. Для меня какъ разъ наоборотъ: идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ матеріальное“.

Что это такое? Это *теорія познанія*—и, при томъ теорія опредѣленнаго характера: матеріалистическая теорія познанія. Стало быть, Э. Унтерманъ имѣлъ возможность составить нѣкоторое понятіе о томъ, каково было „марксовское пониманіе человѣческаго сознанія“, не дожидаясь выхода въ свѣтъ до сихъ поръ не опубликованнаго философскаго труда Маркса и Энгельса. Но онъ, какъ видно, и не подозрѣвалъ существованія этой возможности. Онъ повторялъ вслѣдъ за другими: „Марксъ и Энгельсъ поставили діалектику на ноги“, совершенно не догадываясь, что этого нельзя было сдѣлать безъ помощи теоріи познанія. Нечего сказать,—принципіальный писатель т. Эрнстъ Унтерманъ! Правда, у него какъ будто есть смягчающее обстоятельство: Марксова теорія познанія осталась неразработанной. Но и этому горю онъ могъ бы пособить собственными силами, если бы... у него были таковыя. Въ приведенныхъ словахъ Маркса о томъ, что у Гегеля логическій процессъ превращался въ субъекта, заключается мысль, цѣликомъ заимствованная у *Фейербаха*. И это обстоятельство должно было напомнить и Э. Унтерману тотъ общеизвѣстный факъ, что теорія Маркса

вышла *путемъ критики* изъ философіи Фейербаха, подобно тому, какъ философія Фейербаха вышла *тѣмъ же путемъ* изъ философіи Гегеля. Если бѣ Э. Унтерманъ далъ себѣ трудъ ознакомиться, съ философіей Фейербаха, то у него въ распоряженіи оказалось бы уже довольно много данныхъ для сужденія о томъ, въ чемъ состояла Марксова теорія познанія. Къ сожалѣнію, этого труда онъ себѣ, какъ видно, совсѣмъ не далъ.—Далѣе... Извѣстныя—*давно напечатанныя*—тезы Маркса о философіи Фейербаха показали бы нашему ученому автору, въ какихъ именно отношеніяхъ философія Фейербаха была въ глазахъ Маркса *неудовлетворительной*.

Благодаря этому у него явились бы новыя данныя для сужденія о Марксовой гносеологіи. А если бы онъ толково использовалъ всѣ эти данныя, то для него не осталось бы безплоднымъ чтеніе „Анти—Дюринга“ и „Фейербаха“ Энгельса, и тогда онъ понималъ бы, въ концѣ концовъ, что „дополнить“ Маркса Дицгенемъ рѣшительно невозможно.

Но Э. Унтерманъ чрезвычайно поверхностно ознакомился съ теоріей Маркса; а ея философское происхожденіе осталось ему совершенно неизвѣстнымъ. Наконецъ—*last not least*,—въ философіи Э. Унтерманъ—даже не дилетантъ, а просто... ничего не знающій обыватель.

Неудивительно, что онъ нашелъ нужнымъ „дополнить“ Маркса. Вѣдь теперь такой обычай: какъ только человѣкъ, считающій себя марксистомъ, замѣчаетъ прорѣхи и пробѣлы въ своемъ міросозерцаніи, онъ сейчасъ же говоритъ себѣ: „надо исправить и дополнить теорію Маркса“.

Отъ Э. Унтермана мы узнали, кромѣ того, что Марксъ и Энгельсъ навсегда покончили съ классической нѣмецкой философіей и съ буржуазнымъ французскимъ матеріализмомъ. Хорошо. Но *какъ* они сдѣлали это? Они сдѣлали это, воспользовавшись пріобрѣтеніями и той, и другого, и нѣмецкой философіи, и матеріализма. Нѣмецкая философія, державшаяся діалектическаго метода, была насквозь пропитана идеализмомъ; „буржуазный“ матеріализмъ ¹⁾ почти совсѣмъ игнорировалъ діалектику. Марксъ и Энгельсъ *навсегда отказались отъ идеализма, сдѣлавъ матеріализмъ діалектическимъ*. Но *сдѣлать матеріализмъ діалектическимъ* не значитъ отъ него отказаться, точно такъ же, какъ поставить діалектику на ноги—т. е. сдѣлать ее матеріалистической,—совсѣмъ не значитъ покончить съ нею. Разумѣется, діалектическій матеріализмъ Энгельса и Маркса въ очень многомъ отличается, напримѣръ, отъ французскаго матеріализма 18-го столѣтія. Но это отличіе—простой и неизбѣжный *результатъ* историческаго развитія матеріализма.

¹⁾ Повидимому, Унтерманъ думаетъ, что „буржуазный“ характеръ свойствененъ былъ именно матеріализму 18 и 19 столѣтій, но не идеалистической философіи той же эпохи. Почему онъ такъ думаетъ, это, конечно, неизвѣстно ему самому.

Вѣдь французскій матеріализмъ 18-го вѣка въ свою очередь, отличался не только отъ матеріализма Демокрита и Эпикура, но даже и отъ матеріализма Гоббса и Гассанди. Что основатели научнаго социализма были далеки отъ того пренебрежительнаго отношенія къ „буржуазному“ матеріализму 18-го вѣка, которое обнаруживаетъ ученый Э. Унтерманъ, это видно изъ того, что въ одной изъ своихъ статей—напечатанныхъ въ газетѣ „Volksstaat“,—Энгельсъ рекомендовалъ французскимъ социалистамъ знакомить французскій рабочій классъ съ „великолѣпной матеріалистической литературой 18-го вѣка.

Но ни о чемъ этомъ Унтерманъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, чѣмъ весьма гордится, считая себя, на этомъ основаніи, человѣкомъ ушедшимъ, благодаря Дицгену, впередъ сравнительно съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Какъ бы тамъ ни было, но нашъ авторъ твердо убѣжденъ въ томъ, что первоначальное (совершенно ему неизвѣстное,—что видно изъ его брошюры даже яснѣе, чѣмъ изъ его собственныхъ словъ) Марксовское пониманіе человѣческаго сознанія было значительно дополнено І. Дицгеномъ.

Какими же доводами подкрѣпляетъ онъ это свое убѣжденіе, изложенное имъ въ поученіе „узкимъ марксистамъ“? Нѣсколькими выписками изъ сочиненій Іос. Дицгена, неоспоримо доказывающими, что чрезвычайно даровитый нѣмецкій рабочій,—Іос. Дицгенъ былъ работникомъ физическаго труда,—имѣлъ большой философскій талантъ, но не заключающими въ себѣ *рѣшительно ни одного теоретическаго положенія, которое можно было бы признать новымъ сравнительно съ тѣмъ, что заключается въ сочиненіяхъ Маркса, Энгельса и даже Фейербаха.*

Но Унтерманъ наивно думаетъ, что его выписки проливаютъ очень яркій свѣтъ на „проблему познанія“. Сопоставивъ ихъ съ нѣсколькими выписками изъ сочиненій покойнаго Антоніо Лабріола, онъ съ довольнымъ видомъ замѣчаетъ, что это сопоставленіе „сразу же раскрываетъ характерное различіе въ теоріи. Историческій матеріализмъ исходитъ, изъ человѣческаго общества, пролетарскій же монизмъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ естественную природу (Weltall)“ (стр. 24). Этотъ человѣкъ, прочитавшій и „Фейербаха“ и „Анти—Дюринга“, все таки не понималъ, что историческій матеріализмъ былъ лишь примѣненіемъ къ социологіи метода матеріалистической діалектики, исходнымъ пунктомъ которой является именно „Weltall“. Онъ какъ будто не читалъ того мѣста изъ предисловія Энгельса къ „Анти—Дюрингу“, гдѣ авторъ говоритъ, что онъ и Марксъ перенесли матеріализмъ въ исторію. Изъ чего исходитъ этотъ матеріализмъ? Изъ общества. Земля на китахъ, киты на водѣ, а вода на землѣ. Ясно?

Все это не мѣшаетъ г. П. Дауге считать Э. Унтермана серьезнымъ писателемъ и усердно рекомендовать его русской читающей

публикѣ. Г. П. Дауге имѣеть еще болѣе наивный видъ, чѣмъ достаточно ужь наивный Унтерманъ. Онъ говоритъ: „Юсифъ Дицгенъ пришелъ къ открытію діалектическаго матеріализма одновременно съ Марксомъ и Энгельсомъ и—какъ послѣдній открыто заявляетъ—самостоятельно и независимо отъ нихъ! (Стр. IV). Отсюда слѣдуетъ, что Дицгенъ былъ діалектическимъ матеріалистомъ. А дальше мы у того-же г. Дауге читаемъ: „Между Богдановымъ и Дицгеномъ мы дѣйствительно находимъ много точекъ прикосновенія, и мы увѣрены, что первый, все дальше развивая и расширяя свою начатую философскую работу, благодаря логикѣ вещей, придетъ въ концѣ концовъ,—„независимо“ отъ Дицгена, какъ этотъ „независимо“ отъ Маркса—къ *пролетарскому натуръ-монизму*, которому онъ, можетъ быть, дастъ другое названіе, но который будетъ наполненъ тѣмъ же философскимъ содержаніемъ.“ (Стр. VIII). Выходитъ, что „философская“ мысль г. Богданова естественно развивается въ направленіи къ діалектическому матеріализму... Бога вы не бойтесь, г. Дауге! Заключение: читатель ровно ничего не потеряетъ, если даже въ руки не возьметъ брошюры Унтермана. Подобныя произведенія поучительны только въ одномъ смыслѣ: самая возможность ихъ появленія показываетъ, какъ низко опустился уровень философскаго образованія въ международномъ социалистическомъ мірѣ нашего времени. Но эта крайне печальная истина врядъ-ли нуждается въ новыхъ доказательствахъ. Достаточно припомнить тотъ фактъ что въ „странѣ мыслителей“ социаль-демократы не встрѣтили гомерическимъ хохотомъ „критическихъ“ замѣчаній г. Э. Бернштейна по адресу матеріализма и діалектики.

Переходимъ къ I. Дицгену. Его сынъ, Евгенийъ Дицгенъ, въ предисловіи, написанномъ для русскаго перевода, тоже называетъ философское ученіе своего отца важнымъ дополненіемъ къ марксизму (стр. IV). Онъ говоритъ: „Если основатели и послѣдователи историческаго матеріализма цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ историческихъ изслѣдованій и доказали связь между экономическимъ и духовнымъ развитіемъ и зависимость послѣдняго, въ конечномъ счетѣ, отъ экономическихъ отношеній—то все же не доставало доказательства, что эта зависимость духа коренится въ его природѣ и въ природѣ универсума. Марксъ и Энгельсъ думали, что они уничтожили послѣдніе призраки идеализма, изгнавъ его изъ пониманія исторіи. Это была ошибка. Ибо метафизическіе призраки нашли себѣ уголокъ въ неразъясненной сущности человѣческаго духа и въ тѣсно связанномъ съ послѣднимъ міровомъ цѣломъ. Отсюда могла его прогнать только научно провѣряемая критика познанія“ (та же стр.).

При всемъ своемъ уваженіи къ благородной памяти нѣмецкаго рабочаго-философа и при всей нашей личной симпатіи къ его сыну, мы видимъ себя вынужденными рѣшительно возстать противъ главной мысли только что цитированнаго нами предисловія. Отношеніе I. Диц-

гена къ Марксу и Энгельсу изображается въ немъ совсѣмъ невѣрно. Если Энгельсъ писалъ, что историческій матеріализмъ изгналъ идеализмъ изъ его послѣдней твердыни, т. е. изъ науки о человѣческомъ обществѣ, то онъ считалъ не подлежащимъ сомнѣнію фактъ торжества матеріализма надъ идеализмомъ въ томъ, что касалось и „природы универсума“ и человѣческаго духа. Энгельсъ былъ убѣжденнымъ матеріалистомъ. Конечно, можно оспаривать его матеріализмъ, но нельзя посылать ему такіе упреки, которыхъ онъ совершенно не заслуживаетъ. Евгений Дидгенъ думаетъ, повидимому, что матеріализмъ не имѣетъ своей „критики познанія“. Но и это ошибка, которую могутъ дѣлать только люди, плохо знакомые съ исторіей матеріализма. Приведенныя мною выше слова Маркса о матеріалистической діалектикѣ, заключающія въ себѣ коренную основу историческаго матеріализма, содержатъ въ себѣ въ то же время и *прежде всего* также и весьма опредѣленную „критику познанія“. Можно находить, что эта „критика“ изложена тамъ слишкомъ кратко. Но если это и такъ, то передъ нами все таки остается вопросъ о томъ, какъ относится эта,—можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ кратко изложенная „критика познанія“,—къ той „критикѣ“, съ которой выступилъ авторъ „аквизиціи философіи“. Если эти двѣ „критики“ *противорѣчатъ* одна другой, то надо *выбирать между ними, а не дополнять ихъ одну другою*. Если же „критика познанія“, предлагаемая І. Дидгеномъ, *не противорѣчитъ* той, до которой гораздо раньше его доработались основатели научнаго социализма, а, напротивъ, является лишь болѣе подробнымъ и болѣе или менѣе удачнымъ ея изложеніемъ, то говорить о томъ, что І. Дидгенъ *дополняетъ* Маркса—и дополняетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово Евг. Дидгенъ, т. е. въ смыслѣ новаго философскаго *обоснованія* историческаго матеріализма,—по меньшей мѣрѣ странно. А къ этому нужно еще прибавить, что та „критика познанія“, которая содержится въ дѣлаемой Марксомъ характеристикѣ матеріалистической діалектики, была болѣе подробно изложена въ сочиненіяхъ Энгельса, особенно въ первой философской части „Анти-Дюринга“.

Правда, она изложена тамъ не въ систематической, а въ полемической формѣ. Однако, *если* это недостатокъ, то недостатокъ чисто *формальный*, отъ котораго не измѣняется *содержаніе* философскихъ мыслей, высказанныхъ Энгельсомъ въ полемикѣ съ Дюрингомъ. При томъ же полемическая форма могла, пожалуй, помѣшать какому-нибудь *новичку въ философіи* правильно понять Энгельса; а люди, рѣшающіеся толковать о томъ, въ какой мѣрѣ Марсова теорія нуждается въ дополненіи, должны были бы уметь справиться съ этимъ формальнымъ препятствіемъ, т. е. все таки понять философскую часть „Анти-Дюринга“. Но Евг. Дидгенъ даже и не упоминаетъ обо всѣхъ этихъ философскихъ взглядахъ Маркса и Энгельса. Онъ какъ будто даже и не слышалъ объ ихъ существованіи. Какую же цѣну могутъ имѣть его

указанія на „не полноту“ теоріи Маркса? Евгеній Дицгенъ говоритъ: „По нашему мнѣнію, мы можемъ въ XIX столѣтіи различать четыре главныя фазы діалектики: гегелевскую или чисто мыслительную, дарвинистскую или біологическую, марксистскую или историко-экономическую и дицгеновскую или универсальную натуръ-монистическую“ (стр. VI).

Послѣ сказаннаго нами ясно, что называть *матеріалистическую* діалектику діалектикой *историко-экономической* значитъ находится въ глубочайшемъ заблужденіи на ея счетъ. И это заблужденіе самымъ существованіемъ своимъ ясно показываетъ, что Евг. Дицгенъ совсѣмъ не выяснилъ себѣ, какое мѣсто занимаетъ теорія Маркса въ исторіи философіи, и какъ она относится къ философіи Фейербаха, взгляды котораго тоже были, безъ всякаго сомнѣнія, „*натуръ-монистическими*“.

А не выяснивъ себѣ этого, въ высшей степени важнаго факта, опять таки не слѣдовало Евг. Дицгену браться за указаніе того, чего собственно „не достааетъ“ теоріи Маркса.

Полезно будетъ отмѣтить здѣсь еще и то, что Евг. Дицгенъ называетъ діалектику Гегеля *чисто мыслительной*.

Чтобы понять, насколько это наивно, нужно только вдуматься въ слѣдующія строки, написанныя тѣмъ же Е. Дицгеномъ.

По его словамъ, діалектика его отца даетъ намъ познавательнокритическій ключъ:

1) „Для рѣшенія всѣхъ загадокъ (sic!) помощью послѣдовательнаго примѣненія діалектически-продуктивнаго метода изслѣдованія, который, сознательно исходя изъ чувственной или конкретной дѣйствительности и опираясь на органическое единство бытія, способенъ примирять всѣ противорѣчія и одновременно рѣзко различать пространственно или временно-ограниченныя, относительныя противоположности;

2) Для болѣе основательнаго пониманія историческаго матеріализма и марксистскаго анализа капиталистическаго способа производства, ясно показывающихъ пролетаріату средство и цѣль его экономической эмансипаціи въ социализмѣ;

3) Для разрѣшенія вопроса о началѣ и концѣ, отношеніи между формой и содержаніемъ, явленіемъ и сущностью, силой и правомъ, индивидуумомъ — обществомъ и природой, субъектомъ и объектомъ, свободой и зависимостью, равенствомъ и различіемъ, временнымъ и вѣчнымъ, относительнымъ и абсолютнымъ, частнымъ и общимъ;

4) Для познанія сущности вещей и явленій или критерія относительной истины;

5) Для уничтоженія противоположности между матеріализмомъ и идеализмомъ“ (та же стр.).

Что касается болѣе основательнаго пониманія историческаго матеріализма и анализа капитализма, то мы подождемъ, пока эти преимущества обнаружатся въ сочиненіяхъ самого Евг. Дицгена, Панекука

или кого-нибудь из других писателей, предпочитающих „ключь“ Юсифа Дицгена *методу* Карла Маркса. Что же касается до рѣшенія „всѣхъ загадокъ“, относящихся къ вопросу о началѣ и концѣ, отношеніи между формой и содержаниемъ и т. д. и т. д., то мы спросимъ Евг. Дицгена, развѣ же это не „чисто мыслительная діалектика“? и развѣ же всѣмъ этимъ не занималась также и философія Гегеля? Нашъ авторъ, можетъ быть, скажетъ намъ, что Гегель рѣшалъ эти мыслительные, — т. е. касающіеся взаимнаго отношенія понятій, — вопросы въ идеалистическомъ смыслѣ, между тѣмъ какъ авторъ „*Аквизита философіи*“ даетъ имъ „натуръ-монистическое“ рѣшеніе. Но это можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что діалектика Гегеля опиралась на *идеалистическую* основу, а діалектика І. Дицгена беретъ за основу „натуръ-монистическое“ міропониманіе. А отсюда неизбежно слѣдуетъ, что главнѣйшая отличительная черта Гегелевой діалектики заключается именно въ идеалистической основѣ. Почему Е. Дицгенъ не хочетъ назвать ее идеалистической, а придумываетъ для нея новый, очень неточный и неуклюжій эпитетъ? Неточность философской терминологіи ведетъ къ неясности философскихъ понятій, а иногда, впрочемъ, — вызывается этой послѣдней и свидѣтельствуетъ о ней. Но Е. Дицгенъ не охотно употребляетъ выраженія: *идеализмъ*, *материализмъ*. Они напоминаютъ „одностороннія“ концепціи, противоположность между которыми „уничтожена“ монизмомъ его отца. Посмотримъ же, какъ именно „уничтожается“ І. Дицгеномъ противоположность между идеализмомъ и материализмомъ.

Чтобы уничтожить противоположность между двумя данными ученіями, необходимо по меньшей мѣрѣ имѣть точное представленіе и о томъ, и о другомъ. Какое же представленіе имѣлъ І. Дицгенъ, скажемъ, о материализмѣ?

На страницахъ 62 — 63 разбираемой нами книги, въ сочиненіи „*Аквизитъ философіи*“, мы читаемъ:

„Чтобы объяснить мыслительный процессъ, необходимо этотъ послѣдній освѣтить, какъ часть общаго процесса. Онъ не является причиной, создавшей міръ, ни въ теологическомъ смыслѣ, ни въ идеалистическомъ; онъ также не является простымъ дѣйствіемъ мозговой субстанціи, какъ это представляютъ материалисты прошлаго столѣтія. Онъ, этотъ мыслительный процессъ, и его познаніе, является частностью въ общемъ космосѣ“.

И такъ, материалисты прошлаго вѣка, — т. е. XVIII, — вѣка не понимали того, что мыслительный процессъ является частностью въ общемъ космосѣ. Они считали его „простымъ дѣйствіемъ мозговой субстанціи“. Но въ материализмѣ XVIII вѣка можно различить три или даже четыре оттѣнка: материализмъ Ламетри и Дидро; материализмъ Гельвеція; материализмъ Гольбаха; материализмъ англичанина Пристлея. Какой изъ этихъ оттѣнковъ имѣетъ въ виду І. Дицгенъ? Это неиз-

вѣстно. И что значить *не простое дѣйствіе* мозговой субстанціи? Тоже неизвѣстно. Но пойдемъ дальше; можетъ быть, дѣло разъяснится послѣдующимъ изложеніемъ.

На страницѣ 97, — въ „Письмахъ о логикѣ“, — І. Дидгенъ говоритъ: „Человѣческій черепъ отправляетъ функцію мышленія такъ же произвольно, какъ грудь — дыханіе. Помощью воли мы все же въ состояніи задержать на мгновеніе дыханіе... Такъ же можетъ воля регулировать идеи“. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ возможно регулированіе идей волей, но попросимъ читателя обратить вниманіе на слова: „человѣческій черепъ отправляетъ функцію мышленія... какъ грудь дыханіе“. Вѣдь именно это и говорили матеріалисты XVIII-го вѣка. Почему же І. Дидгенъ объявляетъ ихъ односторонними? И въ чемъ состоитъ, *по мнѣнію нашего мыслителя*, разница между *функціей* и *дѣйствіемъ*? Все это опять остается неизвѣстнымъ.

На страницѣ 97, — въ томъ же сочиненіи, — говорится: „Старая логика не въ состояніи была выставить убѣдительные законы мышленія, ибо она самое мышленіе представляла себѣ чрезмѣрнымъ. Идея для нея не была только свойствомъ, модусомъ, частицей истинной природы, но природа истины одухотворялась ею до мистической сущности. Въмѣсто того, чтобы образовать понятіе духа изъ плоти и кости, она желаетъ плоть и кость разрѣшить (объяснить) съ помощью понятія“.

Тутъ есть кое-что весьма „неправильно сказанное по части старой логики“ ¹⁾. Но вполне вѣрно то, что не „плоть“ надо объяснять *понятіемъ*, а *понятіе* — „плотью“. Однако, это именно то, что говорили матеріалисты XVIII вѣка, и что повторилъ за ними, возставши противъ Гегеля, Фейербахъ въ XIX столѣтіи. Почему же І. Дидгенъ объявляетъ матеріализмъ одностороннимъ? Это опять остается его тайной.

На слѣдующей страницѣ нашъ авторъ дѣлаетъ „старой логикѣ“ тотъ упрекъ, что „она обращаетъ духъ въ первичное и (а? Г. П.) истинныя плоть и кость — въ послѣднее“. Здѣсь опять есть нескладное выраженіе, вѣроятно принадлежащее г.г. переводчикамъ, (traduttori-tradittori!), но нескладно выраженная мысль опять вполне правильна, и опять она оказывается вполне матеріалистическою мыслью. Еще разъ: почему же І. Дидгенъ объявляетъ матеріализмъ одностороннимъ?

Скажемъ прямо: І. Дидгенъ имѣлъ о матеріализмѣ совершенно

¹⁾ Возможно, впрочемъ, что неправильность надо отнести на счетъ переводчиковъ. Они перевели Дидгена не на русскій литературный языкъ, а на какой-то особенный, свой собственный, который прежде всего заслуживаетъ названія *варварскаго*. Къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками подлинныхъ сочиненій І. Дидгена, такъ любезно присланныхъ мнѣ его сыномъ, съ которымъ мнѣ теперь приходится ломать копыя.

ошибочное представленіе. Онъ говоритъ о себѣ (стр. 169): „Я знакомлюсь обыкновенно съ философскими произведеніями второго и третьяго ранга, лишь пробѣгая предисловіе, вступленіе и, пожалуй, еще первую главу, послѣ чего я немного ориентируюсь и узнаю, по крайней мѣрѣ, о чемъ будетъ рѣчь дальше“. Мы думаемъ, что онъ, — въ силу чрезвычайно распространеннаго въ Германіи пренебрежительнаго отношенія къ французскому матеріализму, — именно такъ „ознакомился“ и съ сочиненіями французскихъ матеріалистовъ, а ознакомившись съ ними такимъ поверхностнымъ и совершенно недовлѣтвительнымъ образомъ, онъ рѣшилъ, что матеріализмъ въ самомъ дѣлѣ, — какъ это твердили всѣ германскіе пасторы, — одностороненъ, и взялся за „уничтоженіе“ его односторонности, за примиреніе“ его съ идеализмомъ. Такой методъ „уничтоженія противоположностей“ былъ, конечно, ранѣе осужденъ на полную неудачу. А къ этому надо прибавить, что хотя объ идеализмѣ І. Дидгенъ имѣлъ гораздо болѣе правильное понятіе, нежели о матеріализмѣ, но вполне правильнымъ не было и это понятіе: такъ, наиримѣръ, то, что І. Дидгенъ говоритъ о Кантѣ, часто далеко отклоняется отъ истины, совпадая, правда съ общераспространенными, ходячими представленіями объ этомъ философѣ. Да и Гегелевская философія, повидимому, была ему извѣстна только въ *общихъ чертахъ*. Мы думаемъ такъ потому, что І. Дидгенъ очень часто ломится въ открытую дверь, съ невѣроятными усиліями разрѣшая такія противорѣчія, которыя уже давно и несравненно лучше, полнѣе и глубже разрѣшены были въ „Логикѣ“ Гегеля. Зачѣмъ было бы І. Дидгену ломиться въ открытую дверь, если бы онъ зналъ, что она открыта? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не зналъ этого.

Марксъ и Энгельсъ, основательно знакомые съ *идеализмомъ*, какъ и съ *материализмомъ*, не „уничтожали“ противоположности между этими двумя концепціями, а рѣшительно объявили себя матеріалистами. Дидгенъ — сынъ замѣтилъ намъ, вѣроятно, что въ этомъ-то и заключалась ихъ односторонность.

Но мы думаемъ совсѣмъ иначе и, въ подтвержденіе своего взгляда на этотъ предметъ, приглашаемъ читателя рассмотреть „вмѣстѣ съ нами разрѣшающій всѣ (excusez du peu!) загадки“ ключъ І. Дидгена.

Философское значеніе этого замѣчательнаго „ключа“ можно было бы характеризовать очень крѣпкой фразой самого І. Дидгена: „Все-ленная, вотъ гдѣ главная суть“ (стр. 12). Но такая характеристика была бы понята только людьми, хорошо знакомыми съ исторіей философіи. А такихъ людей очень мало. Поэтому необходимо болѣе подробное изложеніе.

„Красной нитью, проходящей черезъ всѣ эти письма, — говоритъ І. Дидгенъ въ своемъ тринадцатомъ письмѣ о логикѣ (стр. 154) — является слѣдующій пунктъ: мыслительный аппаратъ есть вещь, какъ и всѣ простыя вещи, есть часть или акциденція міроваго цѣлаго; онъ

относится прежде всего къ наиболѣе общей категоріи бытія и представляетъ собою аппаратъ, который, помощью расчлененія и различенія по категоріямъ, воспроизводитъ детализированную картину чело-вѣческаго опыта. Чтобы правильно употреблять его, необходимо ясно познать, что мировое единство сплошь многообразно, и все многообразіе составляетъ одно монистическое цѣлое“.

Въ пятомъ письмѣ другими словами выражается совершенно та же мысль.

„Зоологія всегда знала, что всѣ роды животныхъ относятся къ царству животныхъ; но такой порядокъ былъ у нея скорѣе механическимъ... Связываніе животныхъ отъ ничтожнѣйшихъ до великихъ въ одно царство было до Дарвина классификаціей, совершенной одною мыслью, т. е. мыслительной классификаціей, межъ тѣмъ какъ, послѣ Дарвина, она стала классификаціей естественной.

Что зоологъ выполнилъ по отношенію къ животному царству, то логикъ долженъ выполнить въ отношеніи бытія вообще, безконечнаго космоса, онъ долженъ показать, что, весь міръ, всѣ формы бытія, считая и духъ, логически связаны, родственны и спаяны между собою.

Извѣстный ограниченный матеріализмъ утверждаетъ, что все выполнено, если онъ констатируетъ связь между мышленіемъ и мозгомъ.

Аналитическимъ ножомъ, микроскопомъ и опытомъ можно очень многое открыть, но это не исключаетъ необходимости въ логической дѣятельности.

Нѣтъ сомнѣнія, что идея связана съ мозгомъ; такъ же тѣсно, какъ мозгъ съ кровью, кровь съ кислородомъ и т. д.; но вѣдь идея такъ связана со всѣмъ бытіемъ, какъ тѣсно связана вся физика.

То, что яблоко связано помощью сучка не только съ деревомъ, но и съ солнечнымъ свѣтомъ и дождемъ, что всѣ вещи связаны не только односторонне, но и всесторонне—объ этомъ же должна учить тебя логика въ отношеніи специально къ духу, идеѣ“ (Стр. 100).

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на доказательствахъ того, что всѣ, даже самые „ограниченные“ матеріалисты всѣхъ временъ очень хорошо знали, что „идея“ связана не только съ „мозгомъ“, но и со всѣмъ вообще бытіемъ.

І. Дицгенъ опять ломится въ открытую дверь и онъ опять пересталъ бы ломиться въ нее, если бы лучше зналъ тотъ предметъ, о которомъ онъ взялся говорить. У Гольбаха, въ его „*Système de la Nature*“ онъ нашелъ бы много страницъ, посвященныхъ выясненію связи „идей“ съ „бытіемъ“.

Несостоятельность обвиненія, выдвигаемаго здѣсь І. Дицгеномъ противъ матеріализма, сразу бросается въ глаза чело-вѣку, знакомому съ матеріализмомъ XVIII-го вѣка ¹⁾. Не будемъ мы и распространяться

¹⁾ Интересно, впрочемъ, что какъ разъ то же настоятельное обвиненіе выставялъ противъ матеріализма и Л. Фейербахъ. И это объясняется тоже

еще разъ о томъ, что неудобно противопоставлять „мыслительную“ классификацію „естественной“, такъ какъ эта послѣдняя непременно является въ то же время и мыслительной. Объ этомъ мы уже говорили выше. Теперь мы не споримъ съ I. Дицгеномъ, а стараемся понять его. И вотъ для этой-то цѣли въ высшей степени важно обратить вниманіе на то мѣсто въ приведенной выпискѣ, въ которомъ сказано, что весь міръ, всѣ формы бытія связаны, родственны и спаяны между собою.

Эта мысль есть основа всей логики I. Дицгена, или,—такъ какъ его логика покрываетъ собою его теорію познанія, ¹⁾—его гносеологій. И эта мысль, на самые различные лады, съ безконечными, утомительными и часто неуклюжими повтореніями,—излагается какъ въ „Аквизитѣ философіи“, такъ и въ „Письмахъ о логикѣ“. И это, конечно, правильная, хотя и плохо излагаемая мысль. Но вѣдь это именно та мысль, которую въ древности развивалъ Гераклитъ,—кстати сказать, не имѣвшій ничего общаго ни съ пролетаріатомъ, ни со спеціально-пролетарской логикой,—а въ XIX вѣкѣ Гегель и Гегельянцы, включая сюда и матеріалистовъ Фейербаха, Маркса и Энгельса ²⁾. Въ *Анти-Дюрингѣ*“, въ „*Людвигъ Фейербахъ*“ и въ извлеченной изъ „*Анти-Дюринга*“ брошюрѣ „*Развитіе научнаго социализма*“ она изложена гораздо лучше, проще и яснѣе, нежели въ „*Логическихъ письмахъ*“ и въ „*Аквизитѣ философіи*“ I. Дицгена. Эта мысль есть основа всякой діалектики. Но именно потому, что она составляетъ основу всякой діалектики, ею одною еще недостаточно характеризуется данный діалектической методъ. Мы знаемъ идеалистическую діалектику Гегеля и матеріалистическую діалектику Маркса. Какова же была діалектика I. Дицгена? Его сынъ называетъ ее, какъ мы знаемъ, „натуръ-монистической“. Что же это за разновидность діалектики? А вотъ послушайте.

Въ „Аквизитѣ философіи“,—стр. 45 разбираемой книги,—I. Дицгенъ говоритъ: „Я, такимъ образомъ, объяснилъ, что логика долго не знала, что познаніе, добываемое помощью ея основоположеній, обогащаетъ насъ не истиной, но болѣе или менѣе соответствующимъ отображеніемъ этой истины ³⁾. Я далѣе утверждалъ, что завоеваніе ко-

тѣмъ, что Фейербахъ имѣлъ,—по доброду старому нѣмецкому обычаю—весьма смутное понятіе объ исторіи матеріализма. Онъ чурался отъ „трюфельнаго паштета—Ламетри“ какъ разъ въ томъ своемъ сочиненіи, гдѣ онъ вполне сходится во взглядахъ съ французскимъ матеріализмомъ.

¹⁾ „Наша логика, говоритъ I. Дицгенъ, есть теорія познанія“ (стр. 132).

²⁾ Фейербахъ былъ самымъ несомнѣннымъ матеріалистомъ, хотя и любилъ нападать на „ограниченныхъ“ матеріалистовъ: такъ велика въ Германіи сила этого почтеннаго обычая, отъ вліянія котораго до сихъ поръ не освободились даже многіе и многіе нѣмецкіе соц.-демократы, не исключая и самыхъ „радикальныхъ“!

³⁾ За слогъ I. Дицгенъ не отвѣчаетъ; мы уже сказали что г.г. Дауге и

торое оставила намъ философія, существенно рѣзче очертило обликъ человѣческаго духа. Логика стремится быть „ученіемъ о формахъ и законахъ мышленія“. Тѣмъ же самымъ стремится быть и философское наслѣдіе, діалектика, первый параграфъ котораго гласитъ: не мышленіе производитъ бытіе, но бытіе—мышленіе, часть котораго (бытія) представляетъ собою это мышленіе, занимающееся *изображеніемъ* истины. Отсюда затѣмъ вытекаетъ тотъ легко затемняющій смыслъ ученія фактъ, что философія, которая оставила намъ логическую (?) діалектику, діалектическую логику, должна быть направлена на мышленіе, но равнымъ образомъ и на оригиналь, съ котораго мышленіе доставляетъ отображенія“.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ *неловкостяхъ и неточностяхъ выраженій*, мы замѣтимъ, что *основная мысль* этого отрывка есть *чисто материалистическая мысль*, выраженная даже словами Энгельса, хотя, впрочемъ, у этого послѣдняго выходитъ не то, что бытіе *производитъ* мышленіе, а то, что оно *опредѣляетъ* его собою. Это существенная разница; но мы не будемъ останавливаться на ней, такъ какъ очевидно, что І. Дицгенъ здѣсь просто-на-просто *обмолвился*. Съ насъ достаточно того, что нашъ авторъ является здѣсь *материалистомъ*, убѣжденнымъ въ томъ, что мышленіе „занимается“ ¹⁾ *изображеніемъ истины, т. е. бытія*.

„Первый параграфъ“ „натуръ-монистической“ діалектики І. Дицгена „гласитъ“, стало быть, совершенно то же, что уже гораздо раньше провозгласила материалистическая діалектика Маркса: „идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ материальное“. Гдѣ же разница? Разницы нѣтъ. Какимъ же образомъ І. Дицгенъ „дополняетъ“ собою Маркса? Никакимъ! Правда, „первый параграфъ“ діалектики излагается у І. Дицгена, — *главныя сочиненія котораго вышли гораздо позже главныя сочиненія Маркса и Энгельса*, — много пространнѣе, нежели у Маркса и Энгельса. Но болѣе пространное изложеніе І. Дицгена до такой степени не систематично, мѣстами такъ неудачно и перѣдко такъ затуманено неполной ясностью философской мысли автора, что оно иногда не только не поясняетъ смысла „перваго параграфа“, а скорѣе затемняетъ его. Въ чемъ же дѣло? Почему же стали теперь „дополнять“ Карла Маркса Юсифомъ Дицгеномъ. Да именно потому, — и только потому, что его философская мысль не отличалась полной ясностью. Это кажется парадоксомъ, но, къ сожалѣнію, это такъ.

Уже въ выпискѣ, только что сдѣланной нами, есть одно странное положеніе: бытіе „производитъ“ мышленіе, которое составляетъ, однако, часть бытія. Если слова: „бытіе производитъ мышленіе“ означаютъ

Орловъ перевели его книгу не на русекій, а на свой собственный варварскій языкъ. Герценъ назвалъ бы его птичьимъ.

¹⁾ Это опять неудачное выраженіе; но, повторяемъ, на выраженіяхъ мы останавливаться не будемъ.

то же самое, что слова Маркса: „идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой головѣ матеріальное“, то слова: „мышленіе представляет собою часть бытія“ заставляютъ усомниться въ томъ, что философія Дидгена тождественна съ философіей Маркса. И вотъ эта-то возможность сомнѣнія и привлекаетъ къ І. Дидгену людей, находящихся подъ влияніемъ современнаго идеализма и во что бы то ни стало желающихъ приставить *идеалистическую* голову къ историческому *материализму*.

Въ своемъ изложеніи І. Дидгенъ частью остается вѣренъ материализму, и тогда онъ твердитъ, что метафизическая логика „проглядѣла тотъ фактъ, что познаніе, которое она добываетъ помощью своихъ правилъ, не есть истина, не есть реальный міръ, но лишь идеальное, иными словами, болѣе или менѣе удачное отраженіе послѣдняго“ (стр. 44).

Тутъ *идеальный* міръ является лишь *отраженіемъ* матеріальнаго. Но иногда І. Дидгенъ запутывается въ имъ самимъ сдѣланной прибавкѣ: „мышленіе есть часть бытія“, — т. е. идеальный міръ есть часть матеріальнаго? — и тогда онъ съ полной серьезностью пишетъ: „развѣ воздухъ и запахъ не воздушное тѣло?“ (стр. 22). А на страницѣ 122-й мы читаемъ, что бытіе или вселенная, духъ и матерія, охватываетъ всѣ силы, считая небо и адъ (sic!) въ одинъ кругъ, въ одно монистическое“. Это такая большая путаница, такая неясность, что тутъ философія І. Дидгена въ самомъ дѣлѣ начинаетъ становиться похожей на весьма „оригинальную“ философію г. Богданова. Тутъ г. П. Дауге, пожалуй, *по своему* и правъ; но зато онъ ошибается, принимая это за *діалектическій* материализмъ ¹⁾.

Мѣсто не позволяетъ намъ прослѣдить здѣсь всѣ тѣ печальныя логическія послѣдствія неясности, закрывшейся въ пониманіи І. Дидгенемъ „перваго параграфа“ материалистической діалектики: его совершенно ошибочный взглядъ на критерій истины и т. п. Ограничимся поэтому тѣмъ замѣчаніемъ, что, вопреки мнѣнію его сына, І. Дидгенъ именно не сумѣлъ *рѣшить* вопросъ объ *отношеніи субъекта къ объекту*, и что въ этомъ пунктѣ и совершилось его логическое грѣхопаденіе. Прибавимъ еще, что ошибка І. Дидгена вызвана была, повидимому, стремленіемъ, заслуживающимъ всякой похвалы: желаніемъ вырвать теоретическую почву изъ-подъ ногъ спекулятивной философіи, ставившей духъ, — въ томъ или другомъ его пониманіи, — *внѣ* міра и *надъ* міромъ. Противъ этой философіи І. Дидгенъ направилъ положеніе, гла-

¹⁾ Въ лучшемъ случаѣ, — сходство съ г. Богдановымъ, это, конечно, самый худшій случай, — эти запутанныя мысли заключаютъ въ себѣ неясный намекъ на спинозизмъ. Но съ помощью спинозизма, даже и очень яснаго, нельзя „презойти“ материализмъ. Материалисты Ламетри, Дидро, Фейербахъ, Марксъ, Энгельсъ были спинозистами, только переставшими отождествлять бога съ природой. (См. „Критика нашихъ критиковъ“, стр. 154—166).

ещее, что „бытіе есть все; бытіе есть существенное содержаніе всего; внѣ его нѣтъ ничего и не можетъ быть ничего, ибо оно есть космосъ, т. е. безконечное“ (стр. 26). Само собою разумѣется, что, какъ доводъ противъ спекулятивной философіи, положеніе это не имѣетъ ровно никакой цѣны, потому что отвергать существованіе внѣ-мірового духа простою ссылкой на положеніе, гласящее, что міръ содержитъ въ себѣ *все бытіе*, значить опираться на *тавтологію*, совершенно тождественную съ тою, которую ставилъ когда-то Евг. Дюрингъ во главу угла *своей* философіи, и надъ которой такъ ѣдко смѣялся Энгельсъ въ первой части своего Анти-Дюринга: „всеохватывающее бытіе едино“. Но І. Дицгенъ считалъ эту тавтологію едва ли не важнѣйшимъ „аквизитомъ“ философіи. Съ ея помощью онъ пытается разрѣшить всѣ противорѣчія. Такъ на стр. 127—128, — въ восьмомъ письмѣ о логикѣ, — онъ говоритъ, обращаясь, какъ и во всѣхъ этихъ письмахъ, къ своему сыну: „Самый яркій и также самый поучительнѣйшій примѣръ истиннаго значенія противорѣчій данъ въ противоположности между истинной и заблужденіемъ. Оба эти полюса лежатъ другъ отъ друга еще дальше, нежели сѣверный и южный полюсы и все же они, какъ и эти послѣдніе, тѣсно связаны между собою. Отъ общераспространенной логики едва ли можно ожидать, чтобы она хотѣла демонстрировать для нея, повидимому, столь бессмысленное единство, какъ то, которое заключается въ истинѣ и заблужденіи. Поэтому ты извинишь, если я этотъ примѣръ объясню еще помощью другихъ противоположностей, хотя бы противоположностью между днемъ и ночью. Положимъ, что день продолжается двѣнадцать часовъ и ночь также — двѣнадцать часовъ. Здѣсь день и ночь суть противоположности; гдѣ день, тамъ нѣтъ ночи, и все же день и ночь представляютъ собою одинъ день изъ двадцати четырехъ часовъ, въ которомъ день и ночь живутъ вмѣстѣ въ согласіи. Приблизительно такъ же дѣло обстоитъ и съ истинной и заблужденіемъ. Міръ есть истина, — и заблужденіе, видимость и ложь, заключающіяся въ ней, суть части истиннаго міра, какъ ночь составляетъ часть дня, вовсе не нарушая этимъ логики.

Мы съ полнымъ почтеніемъ можемъ трактовать о дѣйствительной видимости и *истинной* лжи, не впадая въ безсиліе. Какъ неразуміе имѣетъ въ себѣ и разумъ, точно такъ же заблужденіе живетъ постоянно и неизбѣжно въ истинѣ, ибо послѣдняя есть всеохватывающее, универсумъ“.

Какимъ же образомъ день примиряется здѣсь съ ночью? *Сперва* предполагается, что день равенъ *двѣнадцати* часамъ, а потомъ выставляется положеніе, гласящее, что день простирается до *двадцати четырехъ* часовъ, т. е., что *для ночи*, — продолжительность которой тоже равнялась прежде двѣнадцати часамъ, — *нѣтъ мѣста*. А когда нѣтъ мѣста для *ночи*, то ясно, что *нѣтъ мѣста и для противоположности* между ночью и днемъ. Съ помощью подобныхъ наивныхъ тав-

тологій, съ большой легкостью можно въ самомъ дѣлѣ примирить все, что угодно, разрѣшить „всѣ загадки“ и „уничтожить“ всѣ противоположности всего міра.

І. Дицгену нужно было выбрать между идеалистической діалектикой Гегеля и матеріалистической діалектикой Маркса. И онъ сильно склонялся къ этой послѣдней. Но, недостаточно разобравшись въ вопросѣ и даже недостаточно ознакомившись съ нимъ, онъ *запутался* въ своихъ собственныхъ доводахъ противъ спекулятивной философіи и вообразилъ, что ему удалось „примирить“ противоположность между идеализмомъ и матеріализмомъ. Нечего и говорить о томъ, что это неумѣнье справиться со своей собственной философской мыслью было со стороны І. Дицгена проявленіемъ *слабости*, а не силы. Но ему самому, — и именно по той причинѣ, что онъ сумѣлъ справиться со своей собственной философской мыслью,—это проявленіе его *слабости* казалось, наоборотъ, проявленіемъ его *силы*.

И такими же глазами смотреть на его слабость тѣ, которые „дополняютъ“ теперь Карла Маркса Іосифомъ Дицгеномъ. Мы вполне понимаемъ то, что нѣмцы называютъ *пѣтетомъ* въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ. Намъ и въ голову не приходитъ, поэтому, осмѣивать то, несомнѣнно преувеличенное мнѣніе, которое Евгенийъ Дицгенъ составилъ себѣ о философіи своего отца. Но Евгенийъ Дицгенъ съ своей стороны долженъ понять пѣтеть въ отношеніи ученика къ учителю. По этому онъ не посѣтуетъ на насъ за то, что мы рѣшительно отвергаемъ его попытку „дополнить“ Маркса. Что же касается до Унтермановъ, Дауге, Орловыхъ и т. д.; то *ихъ* склонность къ упомянутому „дополненію“ представляется намъ простымъ продуктомъ незнанія, слабости философской мысли и литературной неосмотрительности. У этихъ людей нѣтъ другихъ смягчающихъ обстоятельствъ, а—перечисленные врядъ-ли что-нибудь смягчаютъ.

Въ № 2-мъ „Руси“ за нынѣшній (1907) годъ помѣщенъ былъ фельетонъ Г. В. Коломенцева: „Музыка настоящаго (Рихардъ Вагнеръ и поиски новыхъ боговъ)“. Въ этомъ фельетонѣ насъ заинтересовали слѣдующія строки:

„Тутъ я хочу остановиться на одномъ явленіи, которое мнѣ представляется очень характернымъ для нашего нервнаго, торопливаго времени. Явленіе это—сильно развившаяся боязнь оказаться „отсталымъ“ въ вопросахъ музыкальнаго искусства, боязнь, вызванная ложно усвоенными уроками прошлаго. Въ связи съ поисками новаго во что-бы то ни стало эта боязнь приводитъ насъ къ тому, что мы стали слишкомъ часто находить „новое“ и „геніальное“ тамъ, гдѣ въ наличности имѣется въ лучшемъ случаѣ лишь нѣчто гораздо менѣ „значительное“ и главное—въ сущности своей вовсе не новое“.

Такая же боязнь замѣчается и въ нашей марксистской литературѣ. Ею объясняется,—въ *первой инстанціи*,—очень многое и, между про-

чимъ, то, что у насъ все „дополняютъ“ Маркса: то Кантомъ, то Махомъ, то, наконецъ I. Дицгенемъ.

Въ заключеніе мы просимъ читателя не думать, что мы не придаемъ ровно никакого значенія философскимъ трудамъ автора „*Писемъ о логикѣ*“. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Мы очень далеки отъ такого отношенія къ нимъ. По нашему мнѣнію, они не имѣютъ ровно никакого значенія *только какъ дополненіе къ Марксу*, а сами по себѣ они довольно интересны и мѣстами поучительны, хотя „*Письма о логикѣ*“ I. Дицгена поразительно страшно бѣдны въ сравненіи съ „*логикой*“ Гегеля.

I. Дицгену больше всего вредятъ его же черезъ-чуръ усердные поклонники: сопоставленный съ гигантами, Гегелемъ и Марксомъ, онъ кажется гораздо меньше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Мы совѣтовали бы читать I. Дицгена лишь послѣ внимательнаго изученія философіи Маркса. Тогда можно легко видѣть, въ чемъ онъ приближается къ основателямъ начнаго социализма, и въ чемъ онъ уступаетъ имъ, отставая отъ нихъ. Въ противномъ же случаѣ, чтеніе его внесетъ, правда, въ голову читателя кое-какія немаловажныя и интересныя, — *но отнюдь не новыя*, — частности рядомъ съ большой и вредной путаницей.

А съ внѣшней стороны, изучать I. Дицгена гораздо удобнѣе было бы въ томъ случаѣ, если бы кто-нибудь сжалился надъ русскимъ читателемъ и перевелъ главнѣйшія произведенія нѣмецкаго пролетарія-философа съ варварскаго языка гг. Дауге и А. Орлова на литературный русскій языкъ.

Г. Плехановъ.

Дождь стучитъ въ мое окно,
Въ мглѣ холодной бродятъ тѣни,
Непріютно и темно...
Дрогнуть зябкія сирени.
Я шепчу себѣ: усни,
Отъ тоскующаго взора
Тѣни прошлаго гони,—
Это дымъ лишь и огни
Злой Колдуньи Аэндора!
Дождь стучитъ въ мое окно...
Рядомъ молится старуха.
Сердцемъ слышу я давно
Недоступное для слуха,
И гоню тревогу прочь,
И зову къ себѣ забвенья:
Тяжело мнѣ въ эту ночь
Одинокое мученье.
Аэндорскіе огни...
Мракъ кругомъ... Томленье духа...
Въ цѣломъ мірѣ мы одни—
Я, да дряхлая старуха.
И подсказанный тоской
Голосъ вѣчнаго сомнѣнья:
Только въ смерти есть покой,
Въ нашей жизни нѣтъ забвенья!

Вл. Ладъженскій.